

A black and white photograph of a window with raindrops. The window is covered in numerous water droplets of various sizes. In the foreground, there is a decorative metal railing with a repeating oval pattern. The background shows a bright, overexposed area, possibly a doorway or a window looking out onto a bright day.

*За окружностью,
перед треугольником*

Леди Стюарт

Леди Стюарт За окружностью, перед треугольником

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70599967

SelfPub; 2024

Аннотация

Сборник философских, а иногда просто уютных рассказов. Уже за окружностью, но пока перед треугольником.

Содержание

Вместо предисловия	4
Ab ovo usque ad mala	5
Люди в моей голове	8
Живая душа	13
Бокал и яблоко	17
Антихрупкость	23
Однажды человек создал комету	32
За пределами существа	35
Ведьма и мальчик	38
Некоторые вещи нас ждут	42

Леди Стюарт За окружностью, перед треугольником

Вместо предисловия

Все фотографии и рисунки были опубликованы вместе с постами с соответствующими историями. Я решила, что они подходят рассказам и добавляют атмосферу и целостность, поэтому добавила сюда.

Когда я выбирала название для этого сборника, решила воспользоваться великим и могучим интернетом, потому что в голову мне, увы, ничего не лезло. Одним из представленных советов был такой: «Выберите странное название, чтоб оно вызывало у читателей интерес».

Так и родилось название этого сборника.

Уже за окружностью, но пока перед треугольником.

Ab ovo usque ad mala

(От начала до конца)

Вокруг не было ничего...

Только бесконечная пустота. Она была словно большое темное болото. Нужно было бежать, спастись. Вот только для этого надо было подняться. Надо было встать, вырвавшись из тисков Тьмы.

Невозможно. Ноги и руки не двигаются, не желая повиноваться слабому внутреннему голосу.

Может, это конец?

Тогда Тьма подступает ближе, отравляя изнутри и снаружи, оставляя боль и безысходность.

Выход очевиден – надо сломать эти оковы. Не важно как – надо победить свою слабость.

И тогда я поднимаюсь.

Для этого требуется невероятное усилие. Разум болит, и это мешает сосредоточиться, но Тьма не должна победить.

Никогда....

Теперь нужно идти.

Сделать первый шаг – все равно что попытаться выплыть из глубины огромного озера без капли кислорода в легких. "Это невозможно!" – кричит Душа, и тогда Тьма смеётся от радости. Да, она получит то, что ей требуется, однако она не

знает силу моей Воли. А моя Воля решает за тело...

Первый шаг....

Самый сложный из всех последующих. Неимоверно тяжёлый, как вечная ноша повинного. Он сделан, и Тьма немного отдаляется, прекращая свой смех. Она злится – ведь нет человека, способного ее победить.

Но она ошиблась. И она горько за это заплатит.

Теперь нужно сделать второй шаг. Не такой как первый, и все же не менее сложный.

Тьма хватается за ноги и руки, мешает двигаться и парализует Разум, но моя Сила выше нее.

Второй шаг...

Тьма расступается дальше. Вокруг все ещё темно и чувствуется её гнетущее присутствие – оно давит и одновременно разрывает изнутри. Два шага сделаны.

Третий шаг...

Темное болото позади, вокруг все ещё темнота. С этого момента остаётся последний рывок.

Четвертый шаг словно глоток свежего воздуха. Тьма кричит от ярости. Она просчиталась. Никому меня не победить.

Никогда.

Впереди дверь. Финальное усилие, и самое сложное позади. Мышцы отказываются слушаться, но моя Сила могущественней.

Я протягиваю руку и поворачиваю ручку.

Дверь открыта....

Тьма разлетается на тысячи осколков позади, оставляя тупую боль Разума.

Но моя Воля сильнее неё.

Теперь она всесильна. Она заставила тело повиноваться ей, и теперь ничто уже не помеха. Она победила – ее сила бесконечна и раздавит любого, кто встанет у неё на пути.

Люди в моей голове

– Опять ничего не делаешь! Весь день сидишь, пялишься в компьютер, небось пасьянсы раскладываешь.

Я стояла напротив кричащего начальника, неподвижно смотря в окно во время его тирады.

– В глаза мне смотри – прервало меня неожиданно вычлененное из потока ругательных слов замечание.

Я оторвала взгляд от окна и спокойно посмотрела боссу в глаза. Тот сразу замолк и будто потерял весь свой напор.

– Ладно, хватит с тебя, с глаз моих долой – буркнул он и отвернулся.

Выходя из его кабинета, прислонилась на секунду к закрывшейся двери.

Ничего, все хорошо. Это все в моей голове. Только в моей голове.

В это время, в офисе, Вика, проходя мимо открытого компьютера вызванной на пытки сотрудницы, остановилась, бросив мимолётный взгляд на горящий экран.

"Ничего себе она работы понаделала. На целых два месяца вперёд!" – подумала Вика и, качая головой, отправилась к своему рабочему месту.

Спеша с работы домой уже практически в ночи, я бежала по переходам метро. Штурмуя одну из лестниц, почувствовала толчок в спину и тут же подогнувшимися коленями уда-

рилась об острые края ступенек. Ослепившая боль размыла очертания выбежавшего и пронесшегося мимо меня мужчины.

Поднявшись на дрожащих ногах, облегчённо вздохнула, обнаружив, что штаны на коленках не порвались, хотя и почернели от выступившей крови.

Все хорошо. Это все в моей голове. Только в моей голове. Отряхнулась и поспешила домой.

Дома мурчащий комок шерсти недовольно мявкал, требуя еды. Небось винит, что поздно пришла.

"Прости, Царап" – говорю ему я, глядя по голове. – "Виновата".

Кот потерся о ноги и лизнул руку. Все-таки есть в нём что-то собачье.

– Дочь, тебе бы за собой поухаживать. Стрижку, ногти сделать. А не книжки свои с формулами читать. Парней тоже будешь искать в своих книжках? – упрямо повторяет мне мать.

Она так каждый раз. Я молчу, она говорит. Потом замолкает, я ещё чуть-чуть сижу, а потом ухожу. Нет смысла что-то объяснять тому, кто все равно не поймёт.

Все хорошо. Это все в моей голове. Только в моей голове.

Дома Царап мурлычет и трётся о ноги. А когда сажусь на стул, запрыгивает на коленки и смотрит на разложенные на столе листы.

"Смотри, Царап, красивые ведь формулы, правда?" – го-

ворю я коту.

Прозрачные капли падают на бумагу и следы ручки расплываются, разъеденные солёной водой. Я быстро сгребаю листы и отодвигаю подальше от разрушительного источника. Кот поднимает на меня свои голубые глаза и выжидательно смотрит, будто требуя объяснений.

"Прости, Царап, не знаю что на меня нашло." – говорю я, вытирая слезы тыльной стороной руки.

Все будет хорошо. Это все в моей голове. Только в моей голове.

Выбежав в понедельник на обеденный перерыв, направляюсь к живописной кафешке недалеко от офиса. Дождь барабанит о зонт, скатывается по листьям зелёных деревьев.

Захожу в кафе, быстро заказываю сырники и чай, и сажусь в самый уголок, привычное мне место. Расправившись с обедом, раскладываю на столе захваченные из дома бумаги. Работа закончена, осталось только листы по порядку разложить.

"А что потом? Потом то что? Ну разложишь ты их, а делать с ними что будешь?" – противно нудит внутренний голос.

Все хорошо. Это все в моей голове. Только в моей голове.

Отмахиваюсь от нудящего голоса и поправляю потекшие формулы на листах. Хорошо, что быстро их убрала, а то восстанавливать бы пришлось гораздо больше.

Бросаю взгляд на часы на стене. Десять минут осталось.

Пора возвращаться. Сгребаю бумаги и быстро собираюсь.

Под карнизом кафешки задерживаюсь ненадолго, чтобы раскрыть зонт.

"Девушка, можно вас на минуту?" – спрашивает откуда-то из-за спины голос.

Оборачиваясь, вижу немолодого мужчину. Видимо, за мной из кафе вышел. Только вот зачем?

"Интересные у Вас записи, однако. Простите, что влезаю не в свое дело, но это же доказательство гипотезы Римана?" – спрашивает он, спокойно смотря на меня.

Немного ошарашенная, киваю. Мало кто может понять, чем я занимаюсь.

"Что ж, тогда могу ли я попросить Вас заглянуть ко мне на днях, когда сможете. Я в Вузе практически все время. Поговорим про Ваше доказательство" – говорит мужчина, протягивая мне визитку.

Не находя слов, только киваю. Мой собеседник улыбается и, развернувшись, исчезает в кафе.

Я смотрю на кусочек бумажки в руках.

"Профессор математики" – читаю я. Понятно, почему он понял, что я делаю.

Быстро засовываю визитку в карман, раскрываю зонтик, и бегу в офис. Опаздываю, опять начальник шкуру спустит.

Стою перед входом в университет, теребя в руках прямоугольник визитки. Стискивая в руках бумаги, смотрю на возвышающееся здание. Оно такое большое, а я такая малень-

кая. Чувствую себя букашкой.

Закрываю глаза, вдыхаю и выдыхаю, открываю глаза, и уверенно иду ко входу.

Все хорошо. Это все в моей голове. Только в моей голове.

"Где же Вы были все это время! И на вступительных экзаменах умудрились провалиться!" – восклицает профессор – "Да Вы же находка! Ваша работа мир перевернет! Я теперь за Вами следить буду, вдруг Вы куда-нибудь потеряетесь. Наша наука не переживет такого удара".

Я смеюсь в ответ на его похвалы.

"Ну что Вы" – говорю я – "Меня сама судьба с вами свела".

Закрываю глаза.

Все хорошо. Все будет хорошо.

Улыбаюсь.

Это все в моей голове. Только в моей голове.

Всегда хотела стать математиком.

Живая душа

Начну, пожалуй, с того, что у меня нет пола. У меня его никогда не было. Все просто – я цветок. Я стою на обычном подоконнике обычной квартиры в обычной многоэтажке. Точно так же, как и сотни других цветков. Я ничем не отличаюсь от остальных представителей моего вида, это в порядке вещей. В конце концов, я всего лишь растение.

Она поливает меня каждый день. Заботливо собирает сухие листья, упавшие на пол, и любит меня моими тонкими ветками.

Я осторожно тянусь к Ней и забираю Ее мысли себе. Чтобы не мешали.

Сегодня Она радуется. Видимо что-то хорошее случилось. На губах играет лёгкая улыбка, Она невесомыми шагами ходит по комнате, иногда выуживая из шкафа книгу.

И я цвету. Цвету, потому что Она счастлива. Цвету, потому что я Ее цветок.

"Боже мой, какая красота" – ахает Она и дотрагивается пальцем до красного бутона. "Зима, а ты цветешь, какое чудо" – достигает Ее голос моих листьев и застревает в ветках.

Пока Она смеётся, я цвету.

В течение следующих нескольких дней улыбка медленно улетучивается с Ее лица. Ее как будто стирают ластиком – она постепенно гаснет и испаряется.

Я медленно вяну вместе с ней.

Листья засыхают, и падают на пол, покрывая его жёлтой хрустящей подстилкой. Она собирает их своими изящными руками. Она не говорит ни слова – только вздыхает. Вздыхает, каждый день поливая меня по вечерам.

И я вздыхаю вместе с Ней.

Пока однажды Ее эмоции не меняются.

Я чувствую, как Она тихо плачет, так, как может это делать только Она – не издавая ни звука. Слезы скользят по Ее щекам, оставляя мокрые дорожки, скатываются на одежду, оседая солеными пятнами.

Она молчит.

Она пытается вытереть их ладонями, но слезы снова упрямо скапливаются в уголках Ее глаз и прорываются изнутри наружу.

Она всё ещё молчит.

Так умеет плакать только Она.

Я плачу. Я плачу, потому что Она все ещё поливает меня по вечерам и собирает мои засохшие листья. Я плачу, потому что я Ее цветок.

Смола выступает у основания моих листов, такая же прозрачная, как капельки человеческих слез. Но она застывает и остаётся там, как вечная метка грусти.

Моя смола – след Ее печали.

Поливая меня следующим вечером, Она внезапно останавливается и приглядывается к моим побегам.

"Ты что, плачешь?!" – восклицает Она и осторожно снимает капельку смолы пальцем.

Я тянусь к Ней, и чувствую, как на Ее глазах снова наворачиваются слезы.

"Все просто " – пытаюсь сказать Ей я "Ты смеёшься, и я цвету. Ты плачешь, и я плачу. Потому что я твой цветок".

Пытаюсь и не могу. И в первый раз в жизни жалею, что я просто обычный цветок.

На следующий день Ее взгляд случайно падает в полутемный угол.

Алый бутон, пожухлый и увядший, тот самый бутон, который так неожиданно появился зимой, прячется там в полумраке подоконника.

Она наклоняется и бережно берет его обеими руками. Даже пожухлый, он, кажется, чувствует Ее прикосновение, и прожилки в моих листьях сжимаются и подрагивают от Ее боли.

"Ну вот, забыла убрать" – вздыхает Она.

"Да что это со мной такое. Даже цветок у меня засыхает. А ну не киснуть!" – слышится громкое восклицание.

И я чувствую, как на Ее губах наконец появляется отголосок улыбки.

Мои листья чуть расправляются и зеленеют.

А потом перестают опадать.

Потому что когда Она счастлива, я цвету. Потому что когда Она плачет, я плачу.

Потому что я Ее цветок.

Бокал и яблоко

– Смотри, – сказал он, указав пальцем на бокал на столе. –

Что ты видишь?

– Бокал, – немного ошарашенно ответил я.

– Верно, бокал. Но я могу убедить себя, что я вижу яблоко, и тогда ты не в силах будешь изменить мое восприятие. Так же и в жизни. То, что ты видишь, зависит только от угла, под которым ты смотришь.

Я молча уставился на бокал. Разумеется, подумал про яблоко. Потом подумал, что меня сегодня неудачно разозлили, и я в порыве гнева сломал ручку.

– Вот видишь, – прервал мои мысли голос собеседника. – Ты сейчас наверняка думаешь, что кто-то тебе что-то не то сказал.

– Как Вы узнали? – удивлённо спросил я.

– Не так уж сложно это понять, – усмехнулся он. – Но послушай, зачем ты думаешь об этом сейчас? Зачем ты делаешь из бокала яблоко там, где это совершенно не нужно? Твое восприятие – это ты сам. То, как ты воспринимаешь людей и их слова тоже только в твоей голове. Мы все разные, и никто не может влезть другому в мозги, однако я с уверенностью могу сказать, что эмоции, которые вызвали у тебя те или иные слова, чувствует не кто иной, как ты. Пойми, дело вовсе не в том человеке и не в его словах. Дело в тебе.

Я снова глубоко задумался. А ведь он прав. Только вот не так уж просто вбить это себе в голову.

– Не думай слишком много, – прозвучал голос моего собеседника. – Порой ты думаешь там, где этого не надо делать. Слишком часто делаешь из бокала яблоко. Но ведь твои мысли – это и есть ты. Если в голове кавардак, так же и в жизни. А если порядок, то всё идёт своим чередом. Ты притягиваешь то, о чем думаешь. Поэтому, чем думать о плохом, лучше не думать вообще.

– Не думать ни о чем? – воскликнул я. – Проще сказать, чем сделать.

Он улыбнулся.

– Когда шмель летит собирать пыльцу, и идет мелкий дождь, он не обращает на него внимания. Он продолжает собирать пыльцу. Ты слишком много зацкливаешься на пустяках. Жизнь не эти пустяки, о которых ты думаешь. Жизнь, это то, что проскальзывает между ними. Если будешь и дальше существовать в своих проблемах, не заметишь, как придёт время умирать.

Он улыбнулся, и я заметил, как в уголках его глаз появились едва заметные морщинки.

За окном проехала машина, притормозила у входа, припарковавшись у края тротуара.

Я подумал, что уже давно хочу купить себе такую же, но все не хватает денег или времени.

– Мой тебе совет, аккуратнее с желаниями.

Я повернул голову и поймал пронзительный взгляд темных глаз. Я не спрашивал, откуда он опять узнал, о чем я думаю – уже смирился с мыслью, что меня читают, как раскрытую книгу.

– Не думаю, что это желание когда-нибудь сбудется, – вздохнул я. – Не скажу, что усердно коплю на машину или что-то в этом роде.

Он улыбнулся.

– Но-но, друг мой. Ты сам ставишь палки себе в колеса. Без веры не будет ничего. Знаешь ли ты, насколько могущественна слепая вера человека? Он будто сам создаёт врата, которые откроет. Больной может вылечиться, только поверив в то, что здоров.

– Допустим, я буду верить, и очень-очень сильно хотеть, – заинтересованно сказал я. – Все равно маловероятно, что я что-то получу только от этого.

– Конечно, не получишь, – прозвучал спокойный ответ. – Но просто потому, что ты неправильно желаешь. Я уже говорил тебе, что мысли меняют реальность. То же самое и с желаниями. На самом деле, любые человеческие эмоции поразительно влияют на окружающую среду. Ты знаешь, что структура воды изменяется от произнесенных человеком слов? Но это же удивительно! Это прямое доказательство того, что мы можем напрямую взаимодействовать с миром.

Он резко замолк, погрузившись в свои думы.

– Так как же правильно желать? – осторожно спросил я.

– Ах да, прости, – встрепенулся он. – Я немного отвлекся.

– Скажи, то что ты желаешь, важно?

– Для меня да, – уверенно ответил я.

– Для тебя то да, – повторил за мной он. – Но представь, что на улице сидит старушка. Она продает все, что у нее осталось, чтобы спасти свою дочь, которая сейчас при смерти. Она очень сильно желает, чтобы ее дочь выздоровела, и это тоже желание. Теперь скажи, твое желание важнее, чем её?

Я смутился.

– Нет, – ответил я. – По сравнению с ее желанием, мое – сущий пустяк.

– А теперь скажи, ты счастлив без того, чего желаешь? – спросил он.

Я опять задумался. Пускай жизнь у меня была и заурядная, но по сравнению с жизнью воображаемой старушки вполне себе счастливая.

– Да, – твердо ответил я, глядя ему в глаза. – Я счастлив.

– А теперь скажи, тебе нужно то, что ты хотел несколько минут назад? – спросил он.

– Нет, – ответил я.

– Поздравляю, ты уже на полпути к обретению желаемого. Ты научился отпускать. Ты понял, что счастлив и сам по себе, такой, какой ты есть, с тем, что у тебя имеется. Если отпустишь, оно само придёт тебе в руки.

– И что, это все условия? – недоверчиво уточнил я.

– Нет конечно, – ответил он, повернувшись к окну. – Са-

мое главное условие, фундамент всех остальных – это действие. Надо что-то делать, чтобы чего-то добиться. Когда жизнь подарит тебе шанс обрести то, что ты хочешь получить, не забудь сделать шаг и поймать желаемое.

Я посмотрел на бокал, и подумал о том, как же далеко от него ушел наш, казалось бы, обычный разговор двух людей.

Мой собеседник молча смотрел в окно. Я проследил за его взглядом. Он наблюдал за воробьями, ютившимися на ближайшей ветке.

– Скажи, что у тебя есть? – спросил он, не отрывая взгляда от птиц.

Этот вопрос застал меня врасплох.

Что же у меня есть?

– По сути много чего. Дом, компьютер, книги, деньги, цветы, – начал перечислять я.

– Да, у тебя действительно это есть, – он перевел взгляд с воробьев за окном на меня. – Но представь, что завтра в твоём доме случится пожар, и все сгорит. Тогда что у тебя останется?

– Ничего, – ответил я. – Все же сгорит.

Он покачал головой.

– Это неправильный ответ.

– Останется разве что одежда, которая на мне, – сказал я.

Он рассмеялся.

– Нет, не верно. Останешься только ты. Потому что на самом деле, все что у тебя есть, это только ты сам. Это то, что

никто не может у тебя отнять. Пойми, все вокруг тебя иллюзорно. На самом деле важно только то, что внутри. А то, что внутри, это то, что снаружи. Вот так парадокс!

Он замолчал на пару секунд.

– Помни, что мы сами создаём нашу реальность. Мы сами делаем ее такой, какая она есть. Как бы абсурдно это не звучало, но мы и есть то, что нас окружает.

Я перевел взгляд на окно, стараясь разглядеть за сероватым стеклом недавних воробьев. Птицы как будто куда-то испарились. Напрасно я всматривался в куст, так ничего толком и не увидел.

Когда я повернул голову на место, где сидел мой недавний собеседник, то с удивлением обнаружил, что оно пусто.

Будто никто там никогда и не сидел...

Антихрупкость

Пролог

Человек, сидящий напротив него, лениво переворачивает белые страницы. Потом так же не спеша поправляет очки на носу.

Кажется, будто время растянулось до неузнаваемости. Муха, стучащаяся в окно, изрядно действует на нервы.

Он тоже чувствует себя мухой. Такой же беспомощной и бесполезной. Ведь Он тоже стучится в закрытое окно.

– Прошу прощения, – вырывает его из задумчивости голос человека напротив.

Видимо его звали уже не раз, но Он этого не слышал.

– Безусловно, у Вас есть задатки. Неплохой потенциал, – продолжает человек в очках.

Он уже знает, что последует за этими словами. Каждый раз одно и то же.

Муха. Каждый раз Он как муха, тщетно бьющаяся в окно.

– Но мы не можем Вас издать, сожалею – заканчивает его собеседник.

На улице дождит. Даже тут не повезло. Что ж, значит, так

тому и быть.

Удаляющаяся черная фигура человека оттеняет промокшие белые листы, торчащие из мусорного бака.

Глава 1

В коридоре школы толпа.

Он протискивается мимо людей, осторожно пробираясь к объекту всеобщего интереса.

Виновник сего торжества сидит за столом и со скучающим видом вертит в руках шахматную фигуру. А вот его соперник не так расслаблен. Видно, что мальчуган усердно пытается выбраться из безвыходного положения, но даже неискушенному игроку уже понятно, что его время сочтено.

– Сдавайся, чудака – бросает ему кто-то из толпы.

Мальчонка вздыхает и нехотя покидает поле боя.

Его противник усмехается и ставит шахматную фигуру на стол. Ерошит черные кудрявые волосы и говорит:

– Ну что, есть еще желающие уйти сегодня с позором?

Кто-то тянет Его за рукав рубашки

– Коль, может ты сыграешь? Ты ж у нас вроде как умный.

Это Сеня, друг.

Обыкновенно Он очень застенчив, и вряд ли подсел бы к кому-нибудь играть. Он ведь даже слова сказать незнакомцам не может.

Но что-то в характере парня жутко раздражает. Может

быть, его заносчивость, может, неуважение к соперникам, но в итоге Он отодвигает стул, и молча подсаживается на свободное место.

– Ха, еще один нашелся, – усмехается черноволосый парень. – Ну что ж, сыграем.

Положение безвыходное. Фигуры на доске расплываются перед глазами.

Он не может проиграть. Не так. Не этой заносчивой личности.

– Эх, какие же вы все бездари, – зевает его соперник. – Ну, чего сидим, ворон считаем? Либо ходим, либо уходим.

Он резко отодвигает стул, встает и протискивается через толпу к спасительной свободе.

– Коль, погоди. Коль! – кричит вдогонку чей-то голос.

Он нехотя оборачивается. Сеня.

– Коль, ну ты не расстраивайся, с кем не бывает. Все-таки Витя лучше всех в нашей школе играет.

Глава 2

– Коль, что тебе на день рождения подарить? – спрашивает его мама. – Или лучше пусть будет сюрприз?

– Шахматы, – отвечает Он.

– Шахматы? – удивляется она. – А ты что, умеешь играть?

– Умею. У Сени доска была. Я научился, – отвечает Коля.

– Шахматы я тебе итак могу купить. Завтра как раз в магазин за продуктами. Поехали со мной, по дороге доску купим.

Доска манит его своей незамысловатостью. Узор из черно-белых клеточек уже прочно засел в мозгу. А фигуры впечатались в подсознание.

Но отступить нельзя.

– Коль, ты уже третий час на эти фигуры смотришь. Может пора отвлечься? – обеспокоенно спрашивает мама.

– Нет, не пора – упрямо отвечает Он.

Через два часа приходит отец. Они негромко переговариваются о чем-то с матерью в соседней комнате.

– Сын, может передохнешь? – ложится ему на плечо большая теплая рука.

– Сыграй со мной, – отвечает мальчик.

– Ну даешь, Колян. Неплохо, – говорит отец, кладя поверженного короля на доску.

– Не достаточно, – бормочет Он себе под нос. – Этого не достаточно.

– Чего? – удивляется отец.

Но парень не отвечает. Сосредоточенно смотрит на фигуры, пытаясь запомнить все свои ошибки.

Глава 3

– Коль, вон он, твой Витя. Зачем он тебе? – спрашивает Сеня, указывая пальцем на фигурку на футбольном поле.

Но Он не отвечает. Он молча пересекает поле и перехватывает рукой запястье черноволосого парня.

– Эй, ты чего, совсем с дубу рухнул? – кричит возмущенно Витя – Я бы гол мог забить! Ты что вообще на поле забыл?

– Матч. Завтра, – выдавливают Он.

– Чего? Какой матч? – ошарашенно смотрит на него вихрастый пацан.

– Шахматы, – выдавливают Он еще одно слово.

На лице Вити пробегает толика узнавания.

– А, это ты что ли? Тот, который мне проиграл две недели назад? Еще что ли хочешь получить? – на его лицо возвращается задиристая ухмылка. – Ну лады. Завтра после уроков, буду ждать тебя там же, где играли в прошлый раз, – бросает парень и убегает гонять мяч дальше.

А Он облегченно вздыхает. Хорошо, что не пришлось много говорить, иначе Он бы просто не выдержал. Стоял бы как столб и молчал.

Проклятая немота. И почему слова так не хотят вылезать, когда им очень надо наружу?

– Ну как, получилось? – это Сеня подбежал узнать, как у него дела.

Коля кивает.

Да. Завтра тот самый матч.

Глава 4

Когда Он пришел, шахматный фигуры уже были расставлены, а Витя сидел за столом, поджидая его.

Он молча садится. С этого момента игра началась.

Фигуры скользят по доске, угрожая одна другой.

Витя сначала играет расслабленно, словно нехотя берет в руки деревянных бойцов, и небрежно ставит их на черно-белые клеточки.

Но это продолжается недолго. Уже к середине игры парень напряжен, и от его заносчивости не остаётся и следа.

Коля выигрывает. Он точно это знает. Он уже видит, как поставить противнику мат.

А тот не верит своим глазам, нервно грызет ногти, потом одергивает себя и, наконец, тихо произносит: «Черт».

На пути со второго этажа, где была партия, Колю ловит учитель математики.

– Коль, я не знал, что ты хорошо умеешь играть в шахматы. Подсмотрел, как вы с Витей сражались. Неплохо вы сыграли, мое уважение, – говорит он.

– Я что хотел то, – продолжает старый преподаватель. – Я заведу шахматным кружком. Присоединяйся. Будешь на соревнования ездить.

Коля качает головой. Нет, он не для этого учился играть.

– Нет, спасибо. Я своей цели добился, пока что мне этого хватит, – отвечает Он, и сбегает вниз по лестнице.

Глава 5

Он улыбается, вспоминая историю из детства. Как много лет прошло, а Он особо не изменился.

Такой же замкнутый и тихий, и такой же упрямый. Разве что говорить может чуть более свободно, чем тогда

Следующие несколько недель Он усердно пишет. Пишет днем и ночью, в перерывах между основной работой.

Удаляет по несколько страниц сразу, и пишет заново.

Снова и снова.

Снова и снова.

Это уже девятое издательство. И девятая рукопись. Он каждый раз пишет новую.

Он каждый раз становится лучше. По крайней мере, хочется в это верить.

Пожилая женщина просматривает его работу, шурша белыми листами.

Прямо как тогда, в самый первый раз. И во второй раз. И в третий. И во все предыдущие разы.

Но в этот раз что-то по-другому.

– Удивительно, – восклицает она, – просто невероятно.

Прекрасная рукопись.

Сначала Он думает, что ослышался. Что это его больной разум уже напридумывал себе чего попало, и морочит ему голову.

Но следующий вопрос развеивает его сомнения об иллюзорности происходящего.

– Скажите, почему Вы выбрали именно наше издательство? – спрашивает она.

Он невольно улыбается.

– Вы мне поверите, если я скажу Вам, что это моя девятая попытка издать рукопись? Каждый раз я приходил точно так же в разные издательства, и каждый раз мне говорили, что у меня есть потенциал, но чего-то в рукописи не хватает.

– Я преклоняюсь перед вашим упорством, – отвечает его собеседница. – Но зачем писать каждый раз новую рукопись? Может быть, нужно было попробовать издать старую в новом издательстве?

– Видите ли, я считаю, что могу лучше. Я считаю, что каждая ошибка делает меня собой. Пускай путь к цели растягивается, но от этого цель становится еще более желанной, а дорога к ней еще интересней. Я бы все равно не перестал бы писать, даже если бы Вы отказали мне сегодня. Писал бы до гроба, пускай мою работу никто бы не издал.

Он замолчал на пару секунд.

– Я бы ошибался снова и снова только, чтобы наконец прийти туда, куда хочу прийти. Я бы ошибался только чтобы

стать собой.

Эпилог

Ошибайся.

Потому что ты учишься.

Ошибайся.

Потому что ты становишься собой.

Будь сильным.

Но не будь твердым, иначе сломаешься.

Будь гибким.

И пусть подобно гидре вместо одной отрубленной головы у тебя вырастает две.

Однажды человек создал комету

Однажды человек создал комету.

Живая, искрящаяся, она отражалась в зрачках его глаз и переливалась всеми цветами радуги. А человек улыбался. Улыбался искренне и печально.

Он знал, что комета не задержится надолго, что она создана для того, чтобы вечно путешествовать. И человек сделал так, чтобы комета могла летать.

И комета полетела. Покружилась над человеком, осыпая его своими искрами, мигнула ему в последний раз и унеслась в глубокую даль.

А человек заплакал. Но это были слезы радости. Он был счастлив видеть, что его творение наконец служит своей цели.

Комета летела и летела в темное пространство космоса. Она кружилась вокруг планет, вокруг звёзд, которые плавили ее и заставляли гореть ярче.

Но однажды комета заметила, что потеряла свою красоту. Ее свет стал тускнеть, а скорость падать. Все тяжелее и тяжелее становилось ей бороздить пространство, а звездные лучи уже не разжигали в ней былой огонь.

И тогда комета повернула обратно.

Из последних сил, избегая притяжения, она летела туда, где она родилась, не взирая на появившуюся тяжесть.

И тогда комета вернулась к человеку.

Едва переливаясь тусклым светом, она прыгнула ему на грудь, и тот обнял ее своими руками, бережно прикрыв свет холодными ладонями.

На несколько секунд воцарилась крошечная тьма. А потом пальцы человека осветились изнутри, и на ладонях у него появилась снова переливающаяся комета, такая же, какой она и была прежде. И, вместе с тем, совсем другая.

Но комета больше не носилась вокруг человека. Она спокойно лежала в его руках, и тогда взгляд человека стал озабоченным.

Комета не видела смысла больше летать, ведь в конце она все равно потеряет свой свет.

И тогда человек сказал: "Да, ты снова сгоришь. Но вспомни космос, который увидела. Вспомни чувство полета и ощущение сияния. Думаешь, все это было зря? Думаешь, все это зря? Думаешь, все это будет зря?"

И тогда комета замигала и засветилась, вторя словам человека, и улетела в темноту космоса ещё быстрее, чем прежде.

Она бороздила неведомые ей ранее пространства, каждый раз новые. Каждый раз она рассыпала свои искры на новые планеты и пролетала около новых звёзд. Каждый раз она светила все сильнее и сильнее.

И каждый раз, когда комета тускнела, когда дальнейший путь ложился грузом на ее полет, она возвращалась к человеку. И каждый раз она улетала от него, сияя все ярче и ярче.

Пока однажды человек сам не стал кометой, а комета человеком. И темнота космоса схлопнулась вокруг новой сущности. И в темноте космоса появился новый свет, самый яркий и сильный из всех прежних.

И свет создал планеты, создал звёзды.

И создал человека, который создал комету.

За пределами существа

Нота дребезжит и застывает в воздухе, разлетается между атомами кислорода, азота и углекислого газа, прыгает от стены к стене, словно пронизывая все вокруг. Как рентген, доставая до самого сердца.

Нота такое крошечное существо. Всего лишь символ на белом листе, скачущий между полосками нотного стана.

Иногда она прерывается, и тогда что-то внутри будто замирает, ожидая продолжения.

А когда нота застывает совсем, какая-то часть существа уплывает вместе с ней туда, где ей в обычном мире нет места.

Поэтому нота старается звучать как можно дольше. И, если хорошенько прислушаться, понимаешь, что она звучит всегда.

Что даже тишина – это музыка.

Формулы на белом листе. Печатные или написанные от руки, они словно оживают под влиянием воображения. Меняются и перестраиваются, отделяясь от листа бумаги.

Рядом с ними появляются замысловатые геометрические фигуры. Они скручиваются и раскручиваются в пространстве вокруг, танцуют только им известный танец.

Танец, не похожий ни на что другое.

Они строги и правильны. Они многое объясняют. Они –

то, что нас окружает. Они – то, что мы не видим, но то, что всегда есть.

Они между и за пределами. Черные отпечатки букв и цифр на бумаге. Если проведешь по ним рукой, иногда кажется, что сможешь их потрогать.

Они – как маленький ключик, который очень хочется забрать себе и не отдавать никогда.

Но они созданы для того, чтобы отдавать.

Краски смешиваются на белом листе, пропитывая бумагу и складываясь в узоры.

Плавно переходят от одних оттенков к другим. Тут они холодные, будто метель запорошила дорогу. Но вот уже теплеет, зима была недолгой. Холода отступают и появляется весна.

Тут цвета мягкие и уютные. В них хочется завернуться, как в пушистый плед, и заснуть.

А здесь они уже яростные. Так и пылают силой и мощью. Зовут бежать вперед, рваться к вершинам. И тут же превращаются в спокойную текучую реку.

Линии, разделяющие это буйство красок, похожи на язык азбуки Морзе. Точка, тире, точка, точка, тире. Они прерываются и исчезают, а затем появляются вновь, создавая великолепный узор.

Если проснуться, можно увидеть его вокруг.

Слова бегут по листу бумаги, собираясь в рифмы, создавая музыку, которую не услышать.

Они могут быть строгими, ровными. Могут кричать со страниц книг разными голосами, а могут тихо петь с обрывков листов.

Они текут между строк, за страницу, пытаясь обогнать само время. Создают новых людей, новые пейзажи, новые мысли.

Мы говорим посредством их. Мы слышим их. Они часть нас, и, может быть, мы тоже часть них.

Они стали такой обыденностью, что мы уже не придаем им такого большого значения.

Но ведь они могут ранить, могут ударить и могут согреть.

Ведьма и мальчик

В ту ночь всё заволокло туманом. Настолько густым, что даже горящие огоньки скалящихся тыкв нельзя было разглядеть, если отойдёшь от них дальше, чем на пару шагов.

Поговаривают, что в ту ночь жители деревни видели танцующие в поле тени и слышали шорох жухлой листвы.

И только дети, не боявшиеся жутких историй в силу своего возраста ну или просто в силу любопытства, выходили выпрашивать конфеты у соседей и жителей совсем дальних уголков деревеньки.

Листья в ту пору переливались всеми оттенками желтого, бурого и красного цветов. А осень уже давно вступила в свои права.

В тот день мальчик стучал со своими друзьями в двери знакомых, которые щедро одаривали детей сладостями.

В тот день они дошли до дома на самой окраине деревни, туда, где только-только начинался лес.

И вот, пока его друзья, толкаясь и веселясь, задували огоньки в тыквах около забора, мальчику послышалось, что кто-то его зовет.

Тихий приятный голос доносился откуда-то из ближайших деревьев, и, охваченный любопытством, ребёнок пошёл на зов.

Если вы ещё помните начало этой истории, то непременно

но догадаетесь, что мальчик потерялся, ибо вокруг был один туман, и только деревенские огоньки иногда проглядывали сквозь его завесу.

А, чем ближе мальчик подходил к лесу, тем, казалось, сильнее и гуще становился туман.

И в конце концов не осталось ничего кроме тихого, еле слышного голоса, звавшего ребёнка.

«Сюда, сюда» – говорил голос, но местоположение его невозможно было определить. Мальчику стало страшно, он понял, что потерялся. Окружённый зовом, раздававшимся то справа, то слева, он застыл от страха и уже готов был или закричать или заплакать, как из тумана вынырнула фигура женщины в остроконечной шляпе с фонариком в руке.

Вокруг нее туман как будто расступался, а огонь фонаря освещал её босые ноги.

В ту ночь ведьма собиралась срывать целебные травы и напевать колдовские песни при свете камина. Но её любимый чёрный кот, ворча и мурлыча, повёл её через лес в сторону деревни.

Взяв с собой фонарь, ведьма пошла за своим фамильяром, осторожно ступая босыми ногами по лесному мху, огибая ветки деревьев и собирая самые красивые опавшие листья.

Мимоходом она бормотала что-то надо ними, и прожилки листвы освещались изнутри светом. Как будто они были живые и по ним, как по жилам, текла кровь.

Так, напевая что-то и бредя за своим чёрным котом, ведь-

ма и вышла к опушке, туда, где лес соединялся с полем.

Именно там она и наткнулась на потерявшегося мальчика.

Она видела, что ребёнок напуган, что его уже всюду запугали призраки, которые шептали его имя в ночи. И, стоило ведьме приблизиться, как они тут же расступились, испуганные светом её зачарованного фонаря.

Фамильяр подошёл к мальчику, потёрся о его ноги, и ребёнок тотчас же успокоился, окружённый теплом огоньков и дружелюбностью животного. Он даже почесал кота за ухом, на что тот ответил мурлыканьем, и ведьма невольно улыбнулась.

Не говоря ни слова, она взяла мальчика за руку и повела его сквозь туман через поле. Туда, откуда ему можно было безопасно добраться до своего дома.

Его ручонка была такой маленькой и такой невесомой, что иногда ведьме казалось, что это всё просто сон и ей всего лишь кажется и этот мальчик, спокойно шагающий рядом, и её фамильяр, ведущий их за собой.

Когда в тумане стали видны огни деревни, ведьма отпустила руку ребёнка и, наклонившись, вложила в нее лесные листья, собранные ей по пути.

Как только она хотела выпрямиться, мальчонок обнял её, приподнявшись на цыпочки.

Потом разжал объятия, отбежал на несколько шагов, и, помахав на прощанье, растворился в белёсом тумане.

А ведьма посмотрела ему вслед, улыбнулась и направи-

лась к себе домой, в лес, напевать колдовские песни при свете камина.

Говорят, что в доме, где жил тот мальчик, на стене до сих пор висит охапка осенних листьев. На удивление всем гостям, они всё ещё выглядят так, как будто были подняты с земли вчера, а, если прикоснутся к ним, то можно услышать едва заметный звук леса.

Но может быть, это просто глупые сказки. Хотя в том доме, говорят, никто никогда не болеет и не ведаёт бед.

Некоторые вещи нас ждут

Знаете, я более, чем уверен, что некоторые вещи ждут нас. Как бы сказать проще...

Будь они в другом доме, в другом городе или даже в другой стране, они всё равно рано или поздно попадут к настоящему владельцу.

Почему я так считаю? Сейчас узнаете.

Эта книга попалась мне на глаза, когда я был в гостях у знакомого. Она одиноко стояла на стеллаже с сервизом. Кажется, это был старый томик стихов, чуть ли не прошлого века. Аккуратная голубая обложка и позолоченное тиснение, она собирала на полке пыль уже видимо очень давно, так как была задвинута вглубь шкафа. И проходящие гости или хозяйка могли лишь изредка заметить, как в свете лампы отливает золотом её название.

Увидев, что мой взгляд задержался на чём-то внутри его стеллажа, мой знакомый разрешил достать заинтересовавшую меня вещь, а сам удалился обхаживать других гостей.

Я осторожно вытянул томик из глубины шкафа и стал листать желтоватые страницы. Я думаю, любители книг согласятся со мной, что все книги пахнут по-разному. Так вот, эта книга пахла старостью. И хорошей бумагой.

А ещё я заметил небольшую, но достаточно глубокую царапину на задней части корешка. И согнутую пополам по-

следнюю страницу.

Всё-таки когда-то кто-то её читал...

Я закрыл книгу и положил на место. И больше о ней не вспоминал на протяжении нескольких лет.

Я снова встретился с ней совершенно случайно.

В ожидании печати фотографий, я прогуливался в парке и решил зайти в рядом стоящее здание музея за чашкой чая и перекусом.

Однако, проходя сквозь коридор, заметил небольшой узенький шкаф с надписью “Обмен книгами”. Движимый любопытством (а такие вещи я всегда люблю разгребать, вдруг что интересное попадётся), я подошёл к стеллажу. Немного покопавшись на первой полке, где стояли какие-то потрепанные романы в мягкой обложке, я перешёл на вторую.

А там, под серой книгой с классификацией вращательных механизмов, я обнаружил её. Такая же голубая обложка, как и тогда, такое же золотое тиснение.

Неужели это она? Та самая книга?

Я перевернул её, чтоб убедиться в своей догадке.

Да, та же самая царапина. А если посмотреть внутрь... Как и предполагал, тот же самый согнутый пополам лист.

На моём лице блуждала глупая улыбка. «Так вот оно как» – думал я.

Тут мне позвонили сказать, что мои фотографии готовы и я могу их забирать. Я быстро сунул книгу в рюкзак, забежал

по дороге за чаем и отправился за фотографиями.

Наверное, когда я шёл по дороге, я всё ещё улыбался, потому что прохожие удивлённо на меня смотрели, проходя мимо.

Почему-то у нас не принято улыбаться просто так. А зря.

Позже я узнал, что тот знакомый, который был первоначальным владельцем книги, переезжал и раздавал свои вещи куда придется. Так из его дома исчез старый сервиз, исчезла и эта книга. Не знаю, где она плутала потом, но что-то привело её именно в этот музей именно в эту полку.

Где она покорно ждала, когда я приду, чтобы её забрать.